

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 350–355

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 350–355

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-350-355>

Научная статья

УДК [[94+329.17](560)(=352.3):327(410)]|18|

Международный аспект участия черкесов в младотурецком движении на исходе XIX века

В. В. Цибенко

Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Цибенко Вероника Витальевна, кандидат исторических наук, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований, tsibenkov@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5755-1231>, Author ID: 593692

Аннотация. В статье рассматривается роль в младотурецком движении северокавказских эмигрантов, известных в турецкой традиции как черкесов. Начиная с XIX в. черкесская проблематика сохраняла высокую политическую значимость в международной повестке, превращая черкесов и их проектируемое северокавказское государство в протосубъект международных отношений. Основную поддержку такой субъективизации в XIX в. оказывала Великобритания, однако завершение в 1864 г. Кавказской войны и относительная стабилизация отношений с Россией снизили значимость черкесской проблематики для Британской империи. Данный контекст позволяет по-новому взглянуть на малоизученное участие черкесов в младотурецком движении, одним из основных центров которого являлся подконтрольный британцам Египет.

Ключевые слова: Турция, Османская империя, младотурки, черкесы, Кавказ, «Единение и прогресс», национализм

Для цитирования: Цибенко В. В. Международный аспект участия черкесов в младотурецком движении на исходе XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 350–355. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-350-355>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

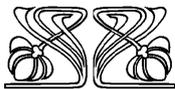
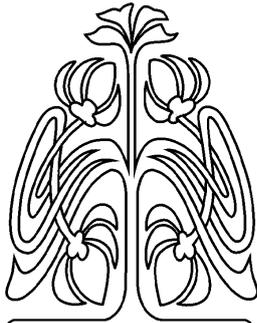
The International aspect of Circassian Involvement to the Young Turk movement in the 19th century

V. V. Tsibenko

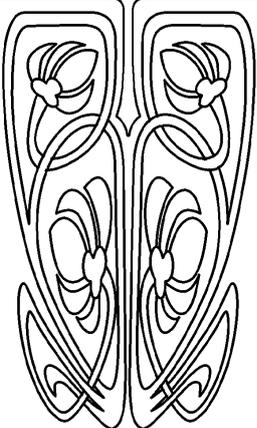
Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Veronika V. Tsibenko, tsibenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5755-1231>, Author ID: 593692

Abstract. The author traces the role of North Caucasian emigrants (Circassians) in the Young Turk movement. For a long time, since the 19th century, Circassian question have maintained high political importance on the international agenda, turning Circassians and their projected North Caucasian state into a proto-subject of international relations. The main support for such subjectivisation was provided by Great Britain, but up to the end of the 19th century Circassian issues had lost much of its importance for the British Empire. This context allows us to take a fresh look at the little-studied topic of participation of Circassians in the Young Turk movement, one of the main centres of which was Egypt under British control.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Keywords: Ottoman Empire, Young Turks, Circassians, Caucasus, Committee of Union and Progress, Nationalism

For citation: Tsibenko V. V. The International aspect of Circassian Involvement to the Young Turk movement in the 19th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 350–355 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-350-355>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Девятнадцатый век стал для Османской империи временем глобальных структурных сдвигов. Государство, находившееся в тяжелом экономическом положении, переживало целый ряд социально-политических и военных кризисов. В этих условиях османские власти запустили серию вестернизационных реформ, направленных на всестороннюю модернизацию империи, и приступили к реализации проекта османизма или паносманизма [1], уравнивавшего мусульманских и немусульманских подданных.

Идеи равенства и секуляризации, позаимствованные из политических программ западных государств, должны были привести к замене сложившейся миллетной системы – конфессионального деления по общинам (осм. *миллет*) с их иерархией привилегий – правами отдельных граждан, однако на деле давали преимущество христианам, имевшим более высокий уровень образования, экономического развития и национального самосознания [1, р. 177–178].

Во время реализации этих реформ в политических элитах и формирующейся османской интеллигенции начало доминировать прозападное крыло, которое в 60-е гг. развилось как движение новых османов. В 1865 г. они создали тайное общество, выступавшее против абсолютизма и планировавшее революцию по французскому сценарию. В 1876 г. им удается сместить султана Абдул Азиза I (1861–1876) и добиться у пришедшего к власти Абдул Хамида II (1876–1908) принятия первой турецкой конституции и первого в исламском мире Гражданского кодекса на основе шариата [2, с. 52].

Однако уже в 1877 г. конституция была упразднена, а открытый в том же году парламент с участием немусульман распущен в 1878 г. [3, с. 216, 221–224]. Начался продлившийся несколько десятилетий период консервативной реакции и преследований представителей оппозиционных элит, получивший в историографии название режима деспотии (осм. *зулум*).

Абдул Хамид II вводит систему личной власти, опирающуюся на его авторитет не только как султана для подданных, но и халифа для мусульман всего мира. Основой политики Османской империи вместо османизма становятся панисламизм, принятый в качестве официальной идеологии, и усиление внутри государства мусульманского миллета, что диктуется также и внешними факторами – поражением в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и территориальными потерями на Балканах.

В этих условиях преемниками новых османов становятся младотурки или по-французски «*Jeunes Turcs*», как их окрестили в Европе

по аналогии с другими национальными модернистскими движениями того времени, например, младоитальянским. Однако данное название вводит в заблуждение, поскольку движение никак нельзя считать в истинном смысле турецким. В действительности оно объединяло представителей разных этнических и национальных групп вокруг идеологии османизма.

Некорректное наименование движения, вызванное популярностью в прогрессивистской среде того времени идей национализма, до сих пор приводит к смещению исследовательского фокуса в российской и зарубежной литературе с многонационального характера младотурецкого движения на его связь с последующим турецким национальным проектом, которая абсолютизируется до полного отождествления позднего османизма со светским национализмом Турецкой Республики.

Для преодоления этого одностороннего взгляда перспективно изучить роль в младотурецком движении представителей разных этнических и конфессиональных групп, многие из которых одновременно развивали собственные национальные проекты. В данной статье рассматривается вопрос участия в движении северокавказских эмигрантов, которые в османской, а затем и турецкой традиции известны как черкесы.

На протяжении длительного времени, начиная с XIX в., черкесская проблематика сохраняет высокую политическую значимость в международной повестке, превращая черкесов и их проектируемое северокавказское государство в протосубъект международных отношений. Основную поддержку такой субъективизации в XIX в. оказывала Великобритания, однако завершение в 1864 г. Кавказской войны и относительная стабилизация отношений с Россией снизили значимость черкесской проблематики для Британской империи. Данный контекст позволяет по-новому взглянуть на малоизученное участие черкесов в младотурецком движении, одним из основных центров которого являлся подконтрольный британцам Египет.

С Османской империей у черкесов на протяжении нескольких веков выстраивались комплексные отношения, которые включали военно-политические и торговые взаимосвязи, опиравшиеся на развитую систему работорговли. К XIX в. для черкесов Османская империя представляла собой и хорошо известный маршрут миграций, и сеть кровнородственных связей, и религиозный центр притяжения. В ходе военного присоединения Кавказа к Российской

империи эти факторы обусловили решение значительной части северокавказского населения в завершающей фазе Кавказской войны переселиться в Османскую империю.

Миграционная волна охватила согласно разным подсчетам от нескольких сот тысяч [4, р. 6–7, 9–10; 5, р. 104] до нескольких миллионов человек [6, р. 27, 68–70] и заложила вместе с аналогичным переселением крымских тюрок после присоединения Крыма к России в 1784 г. основу для формирования в Турции крупнейших диаспор черкесов и крымских татар. Исход местного населения с Кавказа считается отправной точкой и для появления международного Черкесского вопроса о возвращении черкесов на историческую родину и «воссоздании» их государственности, однако в действительности он возник в международной повестке великих держав еще в первой половине XIX в. как часть глобального Восточного вопроса по разделу территорий Османской империи и западной политики по сдерживанию Российской империи [7].

Массовое переселение черкесов в Османскую империю поставило их перед необходимостью приспособляться к новым условиям с учетом социально-политической конъюнктуры. Черкесов активно привлекали к государственной службе, задействовали в армии, полиции и жандармерии. Пришедший к власти Абдул Хамид II сформировал особую «черкесскую политику» в рамках общего панисламистского направления, превратившую черкесов наряду с курдами и албанцами в самый влиятельный элемент Османской империи и ближайшее окружение султана. Эта политика, имевшая и внешнеполитическое применение для сплочения вокруг халифа мусульман всего мира, носила системный государственный характер и делала черкесов «важной составной частью механизма реализации внутривосточных решений» [8, с. 69].

Однако близость черкесов к верховной власти превращала их не только в основной инструмент государственной политики, но и в ее ключевых акторов. Следствием чрезмерного усиления черкесов в административной сфере является формирование ими независимой от султана политики, о чем свидетельствуют регулярно с 1880 г. раскрывавшиеся черкесские антисултанские заговоры, в числе которых дело «о заговоре черкесов дворца» 1880 г. с участием высокопоставленных чиновников и военных [8, с. 73–75], а также их вовлечение на руководящих позициях в тайные кружки новых османов, а затем – младотурок.

Младотурецкое движение изначально опиралось на военные элиты по аналогии с другими революционными движениями того времени. Одним из четырех основателей первой младотурецкой ячейки в Константинополе, возникшей в 1889 г. в военно-медицинском училище, был черкес Мехмед Решид. Организаторы созданного

в 1894 г. младотурецкого Османского общества «Единение и прогресс» (*Османлы Иттихад ве Теракки Джемиети*), объединявшего антихамидовские силы против «диктатуры», также представляли крупнейшие нетюркские мусульманские группы. В его составе были четверо черкесов, один албанец, два курда.

Сочувствовали младотурецкому движению или напрямую участвовали в нем и высокопоставленные черкесы. Известно о создании в Константинополе оппозиционной реформистской «Партии черкесов», черкесском комитете или меджлисе, во главе которого стоял маршал Фуад-паша. За свою оппозиционную деятельность в 1902 г. он был лишен званий и сослан в отдаленные провинции вместе с сотнями соотечественников [8, с. 75–76; 9, с. 12].

Фуад-паша входил также в авторскую комиссию по подготовке труда «История Черкесии», которая была расформирована в 1882 г. по доносу начальника безопасности, доверенного лица султана, черкеса Ахмеда-Джалалладин-паши на этапе подготовки рукописи к печати. Члены комиссии были либо отправлены в ссылку, либо взяты под наблюдение [10, с. 67–68]. Спустя 2 года другой член этой комиссии, литератор Ахмед Мидхат, имевший большой стаж еще в движении новых османов, поставил на столичной театральной сцене пьесу о Кавказе «Черкесское дворянство», после чего султанские власти закрыли театр и снесли его здание [10, с. 68].

Эти ссылки и преследования были связаны с оппозиционной деятельностью кавказских лидеров и их либеральной идеологией. Объединение на оппозиционной и секулярной основе выходцев из кавказского региона несло очевидные риски для султанского правления, опиравшегося на панисламистскую идеологию. Однако младотурецкое движение не было однородным, часть его, доминировавшая в Египте, имела выраженные происламские настроения.

Однако здесь султан видел еще большую опасность. Бежавшие в Европу и поддерживаемые ведущими западными государствами лидеры младотурецкой оппозиции находились далеко, их влияние было ограничено, и они могли быть представлены как враги ислама и халифата. В случае же египетской части младотурецкого движения можно говорить уже о внутрисламской конкуренции за легитимность внутри империи и при ведущей поддержке Великобритании.

В то время Египет признавался самоуправляемой частью Османской империи лишь формально, а фактически с 1882 г. он находился под британской оккупацией, вошедшей в западную, а затем и российскую историографию как «завуалированный протекторат» [11, р. 66]. При правлении Абдул Хаида II Каир стал одним из главных центров движения младотурок и их публикационной активности [12].

Черкесы в Египте еще до османов представляли военную элиту или даже «аристократию», пополняемую через торговлю рабами с Кавказа. С периода мамлюкского султаната (с конца XIV в.) они сохраняли, как указывает Жюльен Луазо, свою этническую идентичность, превратив ее в этническую привилегию [13, р. 210–215]. Несмотря на борьбу, которую британские консулы вели с работорговлей в Египте с 1860-х гг., она процветала до конца XIX в.

Офицерский состав египетской армии комплектовался преимущественно турками и черкесскими рабами до середины 70-х гг. XIX в., когда с двух-трехкратным увеличением офицерского корпуса за счет наскоро обученных «выходцев из народа» сформировалось новое арабское поколение националистов («младоегиптян») с их лозунгом «Египет для египтян» и требованиями очистить военное руководство от инонациональных элементов, иными словами, массовое националистическое движение [14, с. 19]. Поскольку движение носило антиимпериалистический характер, естественными союзниками британцев в Египте стали «старые» элиты, в первую очередь черкесы, которые под британским контролем развили младотурецкую активность.

Превращение Каира под английским протекторатом в оппозиционный центр и, по словам Хасана Кайалы, в «Гайд-парк Ближнего Востока» [15, р. 46], нельзя назвать случайным. Великобритания уже ранее перешла к форсированной поддержке османской оппозиции, представленной арабскими лидерами. С 1984–1985 гг. в Лондоне выпускалась газета «Хюрриет» с младотурецкими лозунгами, распространявшаяся в Османской империи при британском участии [16].

В конце 70 – начале 80-х гг. XIX в. в Египте развились сеть арабских тайных обществ и оппозиционная периодическая печать собственно национального типа. Последняя была представлена серией арабских антиосманских и одновременно антизападных газет и журналов с требованиями национальной автономии Египта (например, «Миср аль-Фатат», «Ат-Танкит ва ат-табкит», «Абу Наддара»).

В противовес им британцы делали ставку на поддержку черкесской и турецкой военных элит [14, с. 19–21]. В Каире выпускались младотурецкие газеты «Мизан» (1896–1897), «Санджак» (1899–1902) и «Шура-и Уммет» (1902–1906), издаваемые черкесами Мурад-беем (Мизанджи) и Ахмедом Саибом – переселенцами из Дагестана, получившими образование в имперских учебных заведениях (ставропольская гимназия, военное училище, Московский университет) [17, с. 192; 18, с. 97].

Британцы поддерживали Мурад-бея и в ответ на запросы османских властей о запрете его деятельности как осложняющей англо-турецкие отношения и закрытии «Мизан» и других младотурецких журналов неизменно давали ответ

о свободе прессы и невозможности вмешиваться во внутренние дела Египта. Единственное, чего удалось добиться султану – это прекращения открытого финансирования младотурецкой прессы взамен на приостановку англофобской кампании в османской прессе [19, р. 82, 101, 138].

Если до середины 90-х гг. XIX в. центром пропагандистской и организационной работы общества «Единение и прогресс» был Париж, то в результате дипломатических усилий Османской империи во Франции [19, р. 110, 113, 118] и разгрома младотурецкого движения в Константинополе основная деятельность младотурок ненадолго переместилась в Каир, который при британской поддержке сохранял свой статус до конца XIX в. В это время значительную часть каирской ветви младотурецкого движения составляли военные офицеры, бежавшие из страха репрессий из Триполитании (места ссылки неблагонадежных лиц). В их числе был отставной майор жандармерии, черкес Мехмед Эмин, который создал в 1899 г. первую черкесскую организацию Османской империи – «Общество единения черкесов» (*Джемиет-и Иттихадийе-и Черакесе*) и начал издавать черкесскую газету «Иттихад», единственный номер которой был выпущен 15 октября 1899 г. [20].

О выпуске других номеров газеты ничего не известно, однако в османских архивах сохранился документ, датированный 18 октября 1899 г., о запрете черкесом Хасан-пашой, высокопоставленным и близким к султану полицейским чиновником, издания газеты, ее ввоза из Египта и изъятия наличных экземпляров [21]. О серьезности этого запрета можно судить по указу Абдул Хамида II 1894 г., согласно которому следует наказывать тех, кто читает, распространяет или способствует распространению младотурецких изданий как членов тайных организаций [19, р. 101].

Судя по содержанию газеты, включавшей устав созданного общества, оно действовало как раз в рамках внутриисламской конкуренции с халифатской властью. Так, общество было призвано не только защищать «самобытность черкесов», но и действовать во благо «османской и мусульманской нации». Используя прогрессистский и модернизационный дискурс, османоязычная газета тем не менее имела выраженную религиозную направленность. Уже на первой странице было заявлено, что цель издания состояла в служении «возвышению ислама посредством работы по созданию условий для пробуждения и прогресса черкесских мухаджиров и всей османской нации» [20, с. 54, 59].

Способом решения накопившихся в империи проблем называлось преодоление цивилизационного отставания через вестернизационного типа просвещение, совмещенное с исламом [20, с. 56–58]. Оппозиционный характер газеты подчеркивался претензиями к османским властям

провинциального и центрального уровней из-за поддержки работорговли, негуманных условий расселения и эксплуатации переселенцев в корыстных целях. В вину османским элитам ставилось несоблюдение исламских норм в отношении к единоверцам, обман их надежд на защиту со стороны халифа.

Акцент на исламской солидарности нетурецких групп, как уже отмечалось, был в целом характерен для египетской ветви младотурецкого движения, являвшейся основным центром сотрудничества с представителями богословского сословия – *улемами* [19, р. 52, 101–103, 168]. Как отмечал один из младотурецких лидеров в Каире, его программа была нацелена на «бомбардировку режима Абдул Хамида II его собственной артиллерией, используя язык, почти дословно повторяющий тот, что использовался дворцом» [19, р. 103].

Исламская составляющая деятельности общества включала еще один аспект. Само его название, использовавшееся и для черкесской газеты, отсылало к основополагающему термину младотурок – «единство» (осм. *иттихад*) различных религиозных и этнических групп [1, р. 152–154; 22, s. 711–712]. Однако здесь уже прослеживается смысловая трансформация – вместо единства компонентов, выделявшихся миллетной системой, т. е. различных исламских и неисламских групп, в газете «Иттихад» можно увидеть идею о единстве исключительно исламских групп, в числе которых черкесы, в рамках одного османского миллета, «мусульманской нации».

Несмотря на свою проосманскую риторику, «Общество единения черкесов» вызвало негативную реакцию не только османских властей, но и представителей египетской ветви младотурецкого движения [19, р. 170], что привело к его скорому закрытию. Вскоре Мурад-бей в обмен на амнистию прекратил оппозиционную деятельность и был назначен в 1900 г. инспектором по расселению мигрантов в Эксишехир [20, с. 60–61].

Таким образом, на исходе XIX в. черкесы уже демонстрировали полную вовлеченность в общегосударственные процессы, протекавшие в империи. Более того, благодаря своей встроенности во властную вертикаль они выступали одними из самых активных и влиятельных участников этих процессов. Трагические аспекты переселения и реалии новой жизни в Османской империи привели к утрате у черкесов иллюзий в отношении поддержки великих держав, на которую они рассчитывали в ходе сопротивления России на Кавказе и массовой миграции в Османскую империю. Это, с одной стороны, позволило черкесам выработать более прагматичную линию поведения, а с другой – сделало многих представителей разочарованных черкесских элит сторонниками оппозиционных движений новых

османов и младотурок с их революционными идеями, однако с сохранением опоры на те же великие державы.

Идеология османизма первоначально стала для черкесов вызовом – в халифате, в который они переселялись, у них формально оказались равные права с немусульманами, а де факто их положение выглядело гораздо хуже в экономическом и культурном планах. Однако именно это повышало значимость черкесов в глазах Абдул Хамида II и превращало их в опору султанской власти, его ближайших доверенных лиц и проводников панисламистской идеологии.

Получив почти неограниченную власть и самостоятельность, в скором времени черкесы, включенные в наиболее подвергшийся модернизации и вестернизации институт Османской империи – армию, превратились в носителей западных либеральных и конституционных идей по реформированию системы власти. Через них идеология османизма получила новую интерпретацию – османской мусульманской нации.

Хотя черкесские лидеры, будучи частью младотурецкого движения, имели возможность вести оппозиционную деятельность и во Франции, и в Швейцарии, и в Великобритании, их идеи наиболее полно были реализованы в Египте под британской оккупацией. Озабоченность Британской империи настроениями в своих мусульманских колониях, которая только усилится в первой половине XX в., превращала черкесов в проводников «правильного» сплава вестернизации и ислама.

В определенном смысле для Великобритании черкесы становились эталонными османскими подданными – влиятельными мусульманами, высокопоставленными чиновниками и военными деятелями, задействованными в оппозиционном и вестернизационном проекте модернизации в соответствии с текущими британскими интересами, заключавшимися в расширении своих колониальных владений за счет османских территорий. Это объясняет, почему первая османская черкесская организация и газета появились именно в Каире и позволяют предположить, что при сохранении Египта в качестве центра младотурецкого движения черкесы могли бы играть в дальнейшем одну из ведущих ролей в британских планах переформатирования Ближнего Востока в рамках решения международного Восточного вопроса.

Список литературы

1. *Demirap Y.* Pan-Ideologies in The Ottoman Empire Against the West : From Pan-Ottomanism to Pan-Turkism // *The Turkish Yearbook.* 2005. Vol. 36. P. 139–158.
2. *Киреев Н. Г.* История Турции. XX в. М. : ИВ РАН, Крафт+, 2007. 608 с.
3. *Еремеев Д. Е., Мейер М. С.* История Турции в средние века и новое время. М. : Издательство МГУ, 1992. 248 с.

4. Papers Respecting the Settlement of Circassian Emigrants in Turkey. Presented to the House of Commons by Command of Her Majesty, in pursuance of their Address dated June 6, 1864. London : Harrison and Sons, 1864. 11 p.
5. *McCarthy J.* Population History of the Middle East and the Balkans. Istanbul : Isis, 2010. 323 p.
6. *Karpat K. H.* Ottoman Population 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. Wisconsin : University of Wisconsin, 1985. 242 p.
7. *Tsibenko V. V., Tsibenko S. N.* Circassian Question : Transformation of Content and Perception // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36, iss. 2. P. 450–460.
8. *Авакян А. Г.* Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 224 с.
9. *Berzeg S.* Türkiye Kurtuluş Savaşında Çerkes Göçmenleri II. İstanbul : Nart Yayıncılık, 1990. 99 s.
10. *Aydemir İ.* Muhaceretteki Çerkes Aydınları. Ankara : s.p., 1991. 243 s.
11. *Carman H. J.* England and the Egyptian Problem // *Political Science Quarterly*. 1921. Vol. 36, № 1. P. 51–78.
12. *Gündüz M.* Educational Books Published by Young Turks in Egypt (1890–1908) // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 9. P. 1090–1095.
13. *Loiseau J.* Soldiers Diaspora or Cairene Nobility? The Circassians in the Mamluk Sultanate // *Union in Separation. Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800)* / ed. by G. Christ, F. Morche, R. Zaugg, W. Kaiser, S. Burkhardt, A. D. Beihammer. Rome : Viella, 2015. P. 207–217.
14. *Макеев Д. А.* Проблемы формирования и политической активности интеллигенции Египта во время оккупационного режима (до 1901 г.) // *Вестник Владимирского государственного университета. Серия : Социальные и гуманитарные науки*. 2014. № 3 (3). С. 16–29.
15. *Kayali H.* Arabs and Young Turks : Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley : University of California Press, 1997. 291 p.
16. *Şahin E.* Londra’da II. Abdülhamid’e Muhalif Bir Yayın : Civanpir’in Hürriyet’i // *Journal of Turkish Studies*. 2019. Vol. 52. P. 185–206.
17. *Karaoğlu Ö.* Osmanlı İktisat ve Maliyesi’ne Yerli Bir Yaklaşım Örneği : *Mizan Gazetesi* // *Bilgi Ekonomisi ve Yönetimi Dergisi*. 2013. Cilt VIII, Sayı II. S. 191–206.
18. *Ercoekun T.* Ahmed Saib ve Sancak Gazetesi // *Kebikeç*. 2008. № 26. S. 97–150.
19. *Hanioğlu M. Ş.* The Young Turks in Opposition. *Studies in Middle Eastern History*. New York : Oxford University Press, 1995. 390 p.
20. *Чочиев Г. В.* «Общество единения черкесов» и его печатный орган – газета «Иттихад» (Каир, 1899 г.) // *Вестник СПбГУ. Серия 13 : Востоковедение и африканистика*. 2011. Вып. 3. С. 52–62.
21. *Başbakanlık Osmanlı Arşivi Dahiliye Nezareti Mektubi Kalemi (BOA. DH.MKT) 2258.65.*
22. *Özkan K.* Mütareke Döneminde “Milliyet” Ve “Anâsır” Kavramı Üzerine Tartışmalar // *Belgi Dergisi. Yaz 2018/I. Sy. 15. S. 694–727.*

Поступила в редакцию 06.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 06.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 12.04.2022